

УДК [94(475)+94(470+571)]"1880/1897"

Н. Н. ВОРОБЬЕВА*

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 80–90-е ГОДЫ XIX в.
(К ВОПРОСУ О “ПШИ”)**

Необходимо сразу пояснить, что “пши” по-польски означает “при”. Так в Царстве Польском пренебрежительно называли чиновников, прибывших из Российской империи “в погоне за карьерой” и осевших в различных канцеляриях и присутственных местах губернской администрации¹.

История формирования кадровой политики в Царстве Польском до недавнего времени освещалась довольно скупо, преимущественно в связи с польским национально-освободительным движением. Российские и польские исследователи (Л. Е. Горизонтов, Л. Химяк, С. Вех, А. Гурак, К. Лятавец и др.) совершили прорыв в изучении темы, отказавшись от прежней однозначно негативной оценки деятельности бюрократического аппарата в Царстве Польском². Современный этап развития историографии ставит актуальную задачу ее дальнейшего изучения.

Широко задуманная интеграция Царства Польского в общеимперский организм опиралась на систему преобразований, разработанную Н. А. Милютиним еще в 60-х гг. XIX в. Ее основные элементы складывались из унификации всех институтов по общероссийскому образцу, подавление шляхетско-клерикальных элементов, подъем крестьянства и др. Важное место отводилось деполонизации административного аппарата³. Ставка делалась не на совершенство законодательной работы, а на строгий и удачный выбор надежных исполнителей, энтузиастов “русского дела”⁴. Вопреки утвердившемуся стереотипу это не означало поголовное изгнание чиновников-поляков. Существовавшие циркуляры и предписания не могли решить кадрового вопроса в Царстве Польском в полной мере. Отдельные государственные учреждения, например, судебное и учебное ведомства, действительно были практически “русскими”, однако в массе чиновничество в Привислинском крае оставалось польским вплоть до начала XX в.⁵.

Привлечению русских сил в Польшу должна была способствовать система льгот и поощрений, регламентировавшаяся законом (повышение жалования каждые 10 лет, различные надбавки, единовременные

* *Воробьева Надежда Николаевна* – историк (Российская Федерация).

пособия и т. д.)⁶. Однако его реализация оказалась малоэффективной, в первую очередь из-за слабого финансирования.

Оклады по содержанию “весьма ничтожны”, указывал в отчете за 1897 г. Варшавский генерал-губернатор князь А. А. Имеретинский. “Если не принимать во внимание губернаторские и вице-губернаторские места..., то единственное исключение представляют комиссары по крестьянским делам и неперменные члены присутствий по крестьянским делам, которые получают сравнительно приличное жалование (комиссары до 2 400 руб. в год, неперменные члены до 3 000 руб. в год). Для остальных губернских и уездных должностей годовые оклады колеблются от 250 руб. до 1 500 руб. в год. Трудно ожидать, что это скудное вознаграждение могло привлекать на тяжелую неблагодарную работу в Царство Польское людей достойных. Не помогают делу и так называемые особые преимущества, дарованные чиновникам русского происхождения⁷, переводимым на службу в Царство Польское из несмежных с ним губерний империи. Эти привилегии по правилам 1866 г. сводятся к весьма незначительному увеличению основного оклада, да и не все русские чиновники могут пользоваться даже этими скромными привилегиями ввиду “излишней казуистичности правил 1866 г.” Недостаточная обеспеченность службы приводит к тому, что сюда, по большей части приезжают служить те русские люди, которым по невысокому их умственному и нравственному уровню, нет места в остальных частях России. В других ведомствах, где со строгим требованием образовательного ценза сопряжены высокие оклады, не ощущается недостатка в исполнителях. Это судебные учреждения, министерства финансов с недавних пор, путей сообщения, земледелия...”⁸.

Несмотря на то, что после 1863 г. количественный состав русских чиновников в губернской администрации Царства возростал, даже к концу 90-х гг. XIX ст. численность государственных служащих по Министерству внутренних дел не превышала 36 %. Однако и эти скромные силы вызвали нарекания высшей местной власти. “Наличный состав здешних административных русских чиновников оставляет желать лучшего в отношении образовательного уровня, нравственных качеств, служебного такта и добросовестных исполнений служебных обязанностей”, – заключал Имеретинский⁹.

Варшавские генерал-губернаторы, пытаясь решить кадровый вопрос, неизменно наталкивались на противодействия в центральных финансовых ведомствах – Министерстве финансов и Государственного контроля. Характерным примером, иллюстрирующим положение дел, является переписка И. В. Гурко с министром финансов И. А. Вышнеградским. В своих отчетах и докладных записках генерал-губернатор настойчиво проводил мысль о том, что “нужно привлекать сюда [в Царство Польское. – *Н. В.*] русских чиновников и думать не о сокра-

щении привилегий, а об их увеличении”¹⁰. Однако на его запросы о возможности увеличить содержание государственных служащих министр ответил категоричным отказом. Мотивировка звучала следующим образом: “на 1890 год испрошено добавочное жалование для 178 человек, и это больше, чем в предыдущие годы... число лиц русского происхождения, служащих в Крае, уже превышает норму... В крае числится 270 человек, служащих более 5 лет, что также более установленного правилами 1867 года... начальник Варшавского учебного округа [также. – Н. В.] не может ходатайствовать о повышении жалования его подчиненным, что привело бы к значительным увеличениям расходов казны, в то время как их предполагалось сократить”¹¹. Подобные установки, разумеется, негативно сказывались на составе управленческого аппарата в Царстве Польском и в целом на эффективности государственной политики.

По воспоминаниям писателя И. Н. Захарьина, служившего в 1885–1896 гг. в Вильно, русское чиновничество в западных губерниях делилось на два полярных лагеря. Один составляли “искатели приключений, занесенные сюда единственно желанием наживы или погоней за карьерой”, другой – “русские люди..., которые приехали в край во имя идеи, чтобы послужить русскому делу, не рассчитывая на кресты и чины и еще меньше на конфискованные польские имения”¹².

В польском языке слово “деятель” получило широкое распространение с сугубо негативным смыслом. Отдавая должное реформаторам 60–70-х гг. XIX в., Варшавский журналист и писатель А. Залесский отмечал, что “первый транспорт “деятелей” состоял из фанатиков, доктринеров, апостолов, но среди этих людей можно было также порой встретить какую-то более общую мысль... Позднее этих целителей от полонизма и католицизма заменяли все более заурядными ветеринарами и фельдшерами. Место апостолов и искусных мастеров заняли простые ремесленники”¹³.

В широкой кампании по дискредитации русского корпуса чиновников в Польше участвовали и русские либералы. Писательница и журналистка, публиковавшаяся в петербургских журналах и газетах “Неделя”, “Вестник Европы” и др., Н. В. Ланская с нескрываемым сарказмом писала: “Аттестатов им никаких не требовалось: достаточно было приехать из России и заявить себя православным, чтобы получить право на такие льготы, права и преимущества, которые превращались в настоящий рог изобилия. Как саранча, бросились они на готовые места, торопясь захватить все то пространство, которое для них насильственным образом было очищено. Под видом обрусения и пропаганды православия эти завоеватели преследовали такие цели, которые не имели ничего общего ни с религией, ни с нравственностью, ни даже с политикой действительного обрусения”¹⁴.

Подобные оценки требуют предельно осторожного отношения исследователей. Комплектование бюрократического аппарата являлось для правительства задачей крайне сложной. В 60-х гг. XIX в. германофильский курс Александра II проявился в уравнении в правах немцев-протестантов с лицами русского происхождения и наделении их теми же и правами и привилегиями при замещении административных должностей. Официальная мотивировка звучала следующим образом: “Лица лютеранского вероисповедания, большей частью немецкого происхождения, отличаются неуклонным соблюдением служебного долга, почему являются превосходными исполнителями предначертаний правительства”.¹⁵ Главными администраторами в Царстве Польском, которым было доверено дело его “обрусения”, долгое время были лютеране А. Н. Лидерс, Ф. Ф. Берг, П. Е. Коцебу.

В 80–90-е гг. XIX в. национальные предпочтения изменились. Усилившийся сепаратизм остзейских немцев вступил в противоречие с прежними представлениями о них как о безупречных подданных. Тем не менее неоднократно обсуждавшийся на заседаниях Государственного совета вопрос о предоставлении льгот лицам православного вероисповедания при назначении в отдаленные губернии в 1886 г. вновь не получил поддержки¹⁶.

О русских чиновниках в Царстве Польском сохранились диаметрально противоположные суждения, происходившие как вследствие особенностей личного состава административных служащих, так и отношения к ним польского общества. Многие стереотипы, в частности, о взяточничестве русских чиновников уходят корнями в эпоху национального противостояния. “Упреки насчет воровства русских чиновников, – писал обозреватель “Русского вестника” М. Криушин, – с более чистой совестью... [можно – *Н. В.*] возратить полякам, так как этим грехом русские болеют реже, о чем справки можно навести не только в канцеляриях Царства Польского, но и по всей России”¹⁷.

К сожалению, от исследователей, зачастую сосредотачивающихся на негативных сторонах деятельности русской администрации, ускользают многие положительные изменения в жизни и быте простых людей, в частности, связанные с именами президентов (глав города) Варшавы С. И. Старынкевича (1875–1892), Н. В. Бибилова (1892–1906). В длинном перечне их заслуг по улучшению инфраструктуры города на первом месте стоит строительство водо-канализационной системы, освещение улиц, запуск линии конных трамваев, украшение столицы садами и скверами, реставрация и строительство католических костелов и т.д. Все это осуществлялось на средства государственной казны. Совершенно справедливо отмечает польский биограф Старынкевича А. Слонева: “Он приехал в Варшаву XVIII века, а оставил нам Варшаву XX века”¹⁸.

Говоря словами известного польского писателя и журналиста того времени А. Свентоховского, явной симпатии поляков удостоивались только чиновники, не совершившие в своей жизни “самых тяжких грехов – политических”¹⁹.

Варшавский генерал-губернатор в этом отношении был фигурой обреченной. Так, первое впечатление, которое Гурко произвел на польскую общественность, было довольно благожелательным. А. Залесский отмечал, что он не был похож на “жесткого палача. Напротив, в чертах его лица было что-то симпатичное. Что-то, что обычно свидетельствует о силе воли, солдатской прямолинейности и честности”²⁰. Тонко подмеченные качества Гурко проявились незамедлительно.

В приветственной речи он заявил, что русские не должны вести себя в Польше как победители, что в задачи правительства не входит русификация Царства Польского. Генерал говорил по-русски²¹. Это резко контрастировало с традицией употребления на официальных приемах французского языка, введенной его предшественником Н. П. Альбединским. Не понравился польской депутации и грубоватый, лишенный изысканности, военный тон нового генерал-губернатора. Кроме того, как вспоминала светская дама и писательница К. Бейлин: “Гурко не скрывал, что для него не важно это назначение, и он принял его только по указу царя”. Это, безусловно, ранило самолюбие поляков, которые считали Царство Польское особенным и исключительным²². Сделав вывод, что новый генерал-губернатор, по выражению варшавской аристократки М. Гурской, “москаль”, “схизматик”, “солдат и нечего более”, польская общественность погрузилась в траур. Из уст в уста передавались слухи, что хотя он “с виду добродушен, в действительности жесток, бескомпромиссен и решителен”²³. Негативное впечатление усиливалось в связи с оказавшимися напрасными ожиданиями поляков, что Гурко, как внук и сын католика, как потомок польских шляхтичей будет “своим”. В вину ему ставилось даже написание фамилии, которую он якобы изменил и вместо исконного “Хурко” нарочно стал называться “Гурко”²⁴, что, конечно, не соответствовало действительности. В дальнейшем даже экономический взлет Царства Польского, произошедший в том числе благодаря усилиям Гурко, не избавил его от клейма “поляконенавистника”. Этот стереотип, к сожалению, жив и сегодня²⁵. Более перспективным выглядят отказ современных исследователей от воссоздания картин прошлого в “черно-белых” красках и изучение национальной истории “в наднациональной перспективе”²⁶.

Кадровая политика 80–90-х гг. XIX в. отражала общую тенденцию внутренней политики Российской империи в Царстве Польском. Правительственная мысль на разных этапах истории выдвигала различные модели управления, от которых зависели особенности корпуса чиновников. Наиболее масштабной по замыслу и долговременной была про-

грамма Н. А. Милютин. Ее неудача выразилась в том, что за полвека, прошедшие с момента ее введения, не удалось отказаться от военного положения в Царстве Польском, унифицировать в полной мере западную окраину с общероссийским законодательством. Негативно сказывались на эффективности решения польского вопроса колебания и отсутствие политической воли в “центре”. Как указывал министр финансов Н. Х. Бунге, “по временам за дело принимались с лихорадочной поспешностью, которая сменялась полной апатией”²⁷. Своеобразным бичом кадровой политики стало недофинансирование, которое неуклонно вело к снижению как численности личного состава административного корпуса в Царстве Польском, так и образовательного ценза для кандидатов. В 80-е – 90-е гг. численность русских чиновников в администрации Царства Польского временно увеличилась, однако кадровая политика не изменилась. Оно, как и все необъятное пространство Российской империи, по образному выражению Д. И. Менделеева, страдало от “недоуправляемости”²⁸.

¹ Захарьин И. Н. Тени прошлого. Рассказы о былых делах. – СПб., 1885. – С. 175.

² Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. – М., 1999; *Chimiak. L.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim. 1863–1915. Szkice do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999; *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2002. *Górak A.* Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski (1867–1918). Studium administracyjne i prozopograficzne. Lublin, 2006; *Он же.* Rosyjska kancelaria akt spraw w urzędach lubelskiej gubernialnej administracji ogólnej w latach 1867–1918. Lublin, 2008; *Он же.* Personel Zarządu Gubernialnego Lubelskiego (1867–1918) – baza danych // *Przegląd Historyczny*, 2003. – Т. 94. – С. 427–461; *Он же.* Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji Zarządu Gubernialnego Lubelskiego (1867–1918). // *Studia Archiwalne*, 2004. – Т. 1. – С. 41–65; *Latawiec K.* W służbie imperium... Struktura społeczno-zawodowa luności rosyjskiej na terenie guberni lubelskiej w latach 1864–1915. Lublin, 2007; *Он же.* Naczelnicy powiatów guberni lubelskiej w latach 1864–1915. Próba charakterystyki grupy // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F.* – Vol. LVIII. – 2003. – С. 73–96.

³ *Historia państwa i prawa.* Pod. red. *Bardach J.* Т. 1–4. Warszawa. 1964–1988. Т. 4. Od uwłaszczenia do odrodzenia. Warszawa, 1982. – С. 62–67.

⁴ Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению произведенные под руководством сенатора статс-секретаря Милютин. – СПб., 1867. – Т. 6. – С. 14.

⁵ *Орлов Ф.Ф.* Русское дело на Висле (1795–1895). – СПб., 1898. – С. 16.

⁶ РГИА, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 18, д. 590, л. 12–14.

⁷ В гражданском законодательстве Российской империи понятие “лицо русского происхождения, православного вероисповедания” регламентировало правоспособность подданных, однако не имело четкого определения. Происхождение по национальному признаку удостоверялось административным

путем. (Гуляев А. М. Лица польского происхождения // Журнал Министерства Юстиции, 1905. – Кн. 8. – С. 251–253).

⁸ РГВИА, ф. 232 (Гурко), оп. 1, д. 167, л. 47 об. – 48.

⁹ Там же.

¹⁰ AGAD. Kancelaria warszawskiego generał gubernatora. Sygn. 1773. – К. 3

¹¹ РГИА, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 18, д. 590, л. 24–25.

¹² Захарьин И. Н. Указ. соч. – С. 175–177, 180.

¹³ Zaleski A. Towarzystwo Warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową. – Krakow, 1888. – S. 275.

¹⁴ Ланская Н. В. Обрусители. Роман из общественной жизни западного края. – Изд. 2. – СПб. 1887. – С. 11.

¹⁵ Цит. по: Горизонтов Л.Е. Указ. соч. – С. 181.

¹⁶ РГИА, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 190, д. 85, л. 1, 11 об., 16.

¹⁷ Криушин М. Русско-польский недуг и его лечение // Русский вестник, 1906, № 1. – С. 347–348.

¹⁸ См. подробнее: Stoniowa A. Sokrates Starynkiewicz. – Warszawa, 1981.

¹⁹ Цит. по: Матренчик А. Президент Старынкевич // Русские в Польше. – Варшава, 2009. – С. 106.

²⁰ Zaleski A. Towarzystwo Warszawskie... – S. 76.

²¹ Ibid. – S. 77.

²² Beylin K. Dni powszednie Warszawy w latach 1880–1900. – Warszawa, 1985. – S. 315.

²³ Górska z Łubieńskich M. Gdybym mniej kochała. Dziennik lat 1899–1895. Warszawa, 1996. – S. 205; Beylin K. Указ. соч. – S. 119; Zaleski A. Указ. соч. – S. 120.

²⁴ Kraj, 1894, № 50. – S. 21.

²⁵ Kręzel P. Wizerunek “Napoleona Słowiańszczyzny” Josifa Romejko Hurko (Gurko) w bułgarskiej i polskiej historiografii jako przykład etnosubiektywizmu w postrzeganiu postaci historycznej // Stereotypy a Słowiańszczyzna. Red. Skowronek M. Łódź. 2009. – S. 165.

²⁶ Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra, 2009. – № 3–4. – С. 57.

²⁷ Бунге Н. Х. Загробные заметки // Река времени. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. – М., 1995. – С. 210.

²⁸ Менделеев Д. И. К познанию России. – СПб., 1906. – С. 67–68.